

Кидить, какъ жаркій ключъ въ скалахъ Ма-
Но ты... Въ твоей суровой сѣдинѣ [шук!]
Видна усталость жизни, лѣнь и скука.
Пуškai ты можешь въ полѣ на конѣ
Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить;
Но... такъ, какъ я, не можешь ты любить!»

28.

«Не можешь ты безмолвно цѣлый часъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безотвѣтный,
И утопать въ сѣяньи милыхъ глазъ,
Тая въ груди, какъ мечь, огонь завѣтный!
Обнявши Зару, я видалъ не разъ,
Какъ ты томился скукою примѣтной...
Я бѣ отдалъ жизнь за поцѣлуй одинъ
Прекрасныхъ устъ, но ты — ихъ власте-
линь!..»

29.

Какъ облакъ, бурей черною гонимъ,
Сталъ мраченъ ликъ суровый Акбулата;
Дрожа пробѣжала по усамъ сѣдымъ,
Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.
— «Что жъ произнестъ рѣшили ты, Се-
лимъ?»

Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата:
Какъ бѣдный рабъ, онъ палъ къ его ногамъ
И волю далъ страданью и мольбамъ.

30.

— «Ты видишь: я погибъ... Спасенья нѣтъ...
Отчаянье, любовь — вездѣ, повсюду!..
О, ради прежней дружбы прежнихъ лѣтъ,
Отдай мнѣ Зару, уступи!.. Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай: сжался!.. Нѣтъ,
Нѣтъ, ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но... видишь: вотъ — кинжалъ, а тамъ есть
Богъ!..»

31.

«Когда бъ хотѣлъ, я бѣ могъ давно, повѣрь,
Уйти съ счастьемъ, презрѣть сватое.
Но я подумалъ: нѣтъ, какъ лютой звѣрь,
Онъ растерзаетъ сердце молодое...
И вотъ, пришло раскаянье теперь, —
Пришло, но поздно! Я ошибся вдвое...
И я — глупецъ, какъ хочешь назови —
Одинъ теперь, безъ дружбы и любви!..»

32.

«Что медлить? Я готовъ. Не размышляй!
Одинъ ударъ и — мы спокойны оба.
Увы! минута съ ней — небесный рай,
Жизнь безъ нея — скучный, страшный гробъ!..
Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшися, или знай:
Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба.
Я вырву Зару изъ твоихъ ногтей;
Она — моя, и быть должна моею!..»

33.

Умолкъ. Блѣдный снѣговъ склонился онъ;
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слились въ невнятный
Мучительный, ужасный... Сожалѣнье [стонъ,

Угрюмый братъ почувствовалъ. — «Какъ сонъ,
Пройдетъ, — сказалъ онъ, — время заблу-
жденья!

Есть много звѣздъ — одна другой свѣтлѣй;
Красавицъ много безъ жены моей!..»

34.

«Что дать мнѣ Богъ, того не уступлю;
А что сказалъ я, то исполню свято.
Пророкъ зрить мысль и слышать рѣчь мою.
Меня не тронуть ни мольбы, ни злато! —
— «Прощай!.. Но если, если... я люблю,
Люблю ее? — сказалъ Селимъ, объятый
Тоской и злобой: — Я просилъ, скорбѣлъ...
Ты не хотѣлъ... Такъ помни жъ: не хотѣлъ!..»

35.

Его уста скривилъ холодный смѣхъ;
Онъ продолжалъ: «Все кончено отнынѣ!
Нѣтъ для меня ни дружбы, ни утѣхъ...
Благодарю тебя!.. Ты, какъ обѣ сынѣ,
О мнѣ заботился, — сказать не грѣхъ...
По волѣ нѣжилъ ты цѣтокъ въ пустынѣ,
По волѣ оборвалъ его листы...
Я буду помнить, помни же и ты!

36.

Онъ отвернулся и исчезъ, какъ тѣнь.
Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
Мрачный, чѣмъ громомъ опаленный пень.
Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
Скрипѣлъ полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
Безпечной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ...»

37.

Такъ иногда, одна въ степи чужой,
Залетная пѣвица, птичка Юга,
Поетъ на вѣтвѣ дикой и сухой,
Когда вокругъ шумитъ, бушуетъ вьюга,
И путникъ внемлетъ съ тайною тоской
И думаетъ: то, вѣрно, голосъ друга.
Его душа, живущая въ раю,
Сомла печаль привѣтствовать мою...

38.

Селимъ сѣдаетъ вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещетъ; крѣпко обвивая
Сѣдло съ конемъ, сѣшились два ремня;
Стремена равны, плетка шелковая
На арчагъ мотается. Хранить,
Косится конь... Пора! Садись, джигитъ!

39.

Горячъ и статенъ конь твой вороной!
Какъ раскаленный уголь, блещетъ око;
Нога стройна, косматый хвостъ трубой,
И лоснится хребетъ его высокий,
Какъ черный камень, сложенный волной;
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Несется онъ подъ ловкимъ сѣдокомъ,
И голосъ твой давно ему знакомъ!..